

вообще, что, понятно, не способствовало улучшению домашней обстановки, так что Анжелика решила во что бы то ни стало избавиться от этого ярма на своей шее. Это было, в принципе, реально, учитывая размер приданого, которое она принесла в семью. В лице брата и тети, подтолкнувших ее в свое время к этому браку, она обрела на этот раз помощников, и их совместными усилиями на несчастного обрушился сонм кредиторов, юристы которых возбуждали против него одно дело за другим, и ему ничего не оставалось, кроме как продать свой дом, а жена воспользовалась этим обстоятельством, чтобы подать на раздел имущества. Старый Тике тем временем тоже не сидел сложа руки. Он пожаловался на интриги жены всем своим друзьям и коллегам, завоевал их на свою сторону и в итоге получил против нее *lettre de cachet*⁴⁴. Ощувив себя теперь хозяином положения, он стал обращаться с женою еще жестче, чем прежде, призывая ее быть в будущем более покорной, если она не хочет расстаться со своей свободой, и уж во всяком случае забыть о своем возлюбленном капитане. Дама устроила истерику, обвинив его, помимо прочего, в том, что он подкупил слуг, чтобы те шпионили за ней. Зажатый в угол Тике стал трясти у нее перед носом королевским указом и пообещал пустить его в ход, но Анжелика, как разъяренная кошка, прыгнула на него, выхватила документ из рук и бросила в огонь.

Потрясенный и посрамленный старик в бешенстве сотрясал воздух ругательствами, а впоследствии обошел много влиятельных людей в попытках получить еще один указ, но везде наталкивался или на вежливый отказ, или на неприкрытое злорадство. Вскоре над ним смеялся уже весь Париж, и уж точно — весь двор, а в довершение всех бед жене удалось-таки добиться раздела имущества, хоть они и продолжали пока жить в одном доме. Ей бы на этом и успокоиться, но, к несчастью, победа только разожгла ее аппетит, и она решила избавиться также и от самого Тике, заменив его столь привлекательным капитаном, с которым продолжала все это время тайно встречаться. Дождавшись, когда однажды старик занемог и не выходил из комнаты, она собственными руками сварила ему супчик, добавив в него какие-то травы посильнее обычных приправ, и приказала слуге отнести этот суп хозяину. Лакей догадался, что дело тут нечисто, нарочно споткнулся о ковер и упал, разбив супницу и расплескав все содержимое. Он тут же поднялся, рассыпался в извинениях, собрал все осколки и покинул комнату, но хозяину так ничего о своих подозрениях и не сказал, так что старый Тике не узнал, что был на волосок от гибели.

Тогда мадам Анжелика стала искать другие способы воплотить свой злой замысел. Ей удалось привлечь на свою сторону привратника и еще несколько десятков слуг, и однажды вечером с их участием она устроила засаду на узкой тропинке, по которой Тике возвращался домой, но в последний момент испугалась, все отменила и разослала несостоявшихся убийц по домам, не забыв приплатить им за молчание. Ничего обо всем этом не зная, старый Тике становился тем не менее все подозрительнее. Решив, и не без основания, что привратник ему неверен, старик отослал его и стал следить за воротами самостоятельно, в связи с чем друзьям жены во входе практически всегда отказывалось. Это довело даму до белого каления, и однажды вечером, когда Тике возвращался домой от друга, в него в упор всадили с полдюжины пуль. К счастью, ни одна из ран не оказалась смертельной; быстро подбежавшие люди подняли его и хотели отнести домой, но он резко воспротивился этому и заставил их нести его обратно к другу, от которого вышел. Вечер был темный, нападение — внезапным, и узнать никого из нападавших Тике не удалось, но его отказ переместиться домой, под нежную заботу жены и детей, был воспринят общественностью с недоумением и послужил поводом для оживленного обсуждения взаимоотношений между ним и женой. Подлило масла в огонь и известие о том, что мадам Тике примчалась в дом, где находился ее супруг, сразу же, как узнала о случившемся, но ее не пустили. После того как хирург перевязал жертве покушения раны, к подстреленному явился полицейский судья, взявшийся за расследование этого дела. Но на все вопросы о том, каковы могли бы быть причины

⁴⁴ Королевский указ об изгнании или заточении без суда и следствия (фр., ист.). (Примеч. пер.)